

Изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

(Бытовые очерки по новымъ даннымъ).

Гибель крамольнаго рудомета.

Въ годы великой разрухи со всею Русью наравнѣ шаталось и Бѣлозерье. Не было крѣпкой власти, ибо не было у государства главы. Часть бѣлозерцевъ, состоявшая по преимуществу изъ мелкихъ чиновниковъ, признала было царемъ Владислава и отъ имени новаго государя отняла власть у старыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ казенными деньгами, Есть документы. Сохранилась, на примѣръ, отъ той поры любопытная расписка Ивана Кузьмина да Воина Бажанова въ приемъ оброчныхъ денегъ съ деревни Панинской, принадлежавшей смѣненному ямскому приказчику — начальнику ямской гоньбы — Семену Окиншину; новые чиновники поусердствовали и взыскали эти деньги за цѣлыя семь лѣтъ безнедоимочно „по государеву цареву и великаго князя Владислава Жигимонтовича наказу“. Въ народѣ, однако, шло глухое броженіе противъ царя-поляка.

Въ началѣ мая 1613 года на Бѣлозерьи водворилась, наконецъ, твердая власть:—пришли вѣсти объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, пріѣхалъ новый воевода—Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ,—и бѣлозерцы цѣловали крестъ прирожденному русскому государю. Твердая власть принялась прежде всего взыскивать оброки въ казну,—и въ государственную, и въ свою собственную.

Поѣхалъ представитель бѣлозерской твердой власти Дмитрій Малаховъ по волостямъ собирать „четвертные доходы“. Пріѣхалъ въ одну деревню—нѣтъ въ ней ни единого жителя. При-

ѣхалъ въ другую,—и тамъ избы пусты, нашель въ третьей деревенькѣ нѣсколько человекъ и сталъ допросъ чинить:

— Куда народъ подѣвался?

И отвѣтили ему:

— Разбѣжался народъ по лѣсамъ, потому, что идутъ на Бѣлозерье литовскіе и нѣмецкіе люди съ великимъ разореніемъ. Уже пришли они на Вытегру, грабятъ и убиваютъ.

Разсердился Малаховъ:

— А съ кого же я четвертные доходы возьму?

И сталъ онъ доискиваться, кто принесъ въ бѣлозерскій край сполошныя крамольныя вѣсти о литовскихъ людяхъ. Сказали ему, что пробѣгалъ-де мимо рудометь, т. е. знахарь-кровопускатель, Нифонтко Кобяковъ; онъ, молъ, и рассказывалъ о Вытегрѣ и о воровскихъ людяхъ.

Окончательно разсвирѣпѣлъ лишенный четвертныхъ доходовъ подъячій и кинулся разыскивать крамольника Кобякова. Поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Настигли Нифонтку, связали, и повезъ его Малаховъ въ Бѣлозерскъ на расправу.

Привезъ на подворье, гдѣ обыкновенно останавливался въ свои наѣзды, къ Соколицынымъ, и приказалъ стрѣльцу Пятому Клементьеву устроить на дворѣ подъ навѣсомъ дыбу. Сталъ спервоначалу допрашивать съ боемъ.

— Зачѣмъ въ волостяхъ смуту чинилъ? Зачѣмъ сполошными вѣстями народъ разогналъ?

Билъ Нифонтку и приговаривалъ:

— Ты государю измѣнникъ!

Натѣшившись, приказалъ Нифонтку подвѣсить. Стрѣлецъ постарался—подвѣсилъ и такъ усердно началъ хлестать несчастнаго, что вопли его далеко-далеко разносились кругомъ. Выскочила изъ своей избы дворница Авдотья Соколицына и, видя такую Нифонткову муку, горько плакала и тужила.

Вопилъ Нифонтко и молилъ представителя твердой власти:

— Пусти, кормилецъ, душу на покаяніе. Что хошь возьми... Два рубля у меня есть. Возьми, пожалуйста, смилуйся...

Взялъ Малаховъ два рубля, деньги по тому времени изрядныя, приказалъ спустить Нифонтку съ дыбы, а самъ пошелъ къ воеводѣ съ докладомъ о поимкѣ крамольника.

Отъ воеводы вышло приказаніе:

— Допросить Нифонтку Кобякова о его сполошныхъ вѣстяхъ.

Воевода, очевидно, испугался; очевидно, подумалъ:—а нѣтъ ли въ сполошныхъ вѣстяхъ Кобякова подлинной правды?

Передъ воеводою Чепчуговымъ и дьякомъ Шестымъ-Копнинымъ Нифонтко во всемъ заперся.

— Про нѣмецкихъ, про литовскихъ и про воровскихъ людей ничего я не слыхивалъ, и не вѣдаю. А въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Тумбажской и Бадожской волостяхъ и въ Курьюжскомъ монастырѣ ничего не говаривалъ. Пришелъ я изъ Алмозерской волости ¹⁾, ночевалъ у тумбажскаго крестьянина, у Богдана Шкурляева, но ничего ему, Богдану, не сказывалъ. А въ Бадожской волости я не бывалъ. А Дмитрій Малаховъ сказываетъ на меня понапрасну...

Рѣшилъ воевода: „вкинуть“ Нифонтку до сыску въ тюрьму, а въ волости Тумбажскую и Бадожскую и въ Курьюжскій монастырь послать для обыска (т. е. для разслѣдованія) посадскаго человѣка бѣлозерца Степана Васильева Подосенова, разсылщика Кузьму Гаврилова и стрѣльца Русинку Исакова. Рѣшеніе это состоялось 3 іюля 1613 года.

Вкинутый въ тюрьму несчастный измученный Нифонтко затосковалъ. Онъ зналъ, что сыскъ обнаружить его вину: — онъ дѣйствительно ушелъ изъ предѣловъ нынѣшней Олонецкой губерніи, потому, что слухи о литовскихъ людяхъ упорно повторялись тамъ народомъ, покидающимъ свои деревни и бѣгущимъ въ лѣса; онъ дѣйствительно передавалъ эти слухи по дорогѣ бѣлозерскимъ крестьянамъ, и тѣ, къ великому неудовольствію стяжательнаго подъячаго Малахова, дѣйствительно прятались отъ подступающаго врага по лѣсамъ.

А что будетъ тогда, когда слѣдствіе подтвердитъ правильность малаховскаго доноса?—Опять страшныя пытки, издѣвательства, дыба. Въ ужасѣ передъ ожидающими его муками Нифонтко задумалъ умереть.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ какой-то „деревенскій дѣтина“. Вечеромъ 6 іюля Нифонтко попросилъ у него ножа. У дѣтины въ самомъ дѣлѣ оказался ножъ, и онъ, ничего не подозрѣвая, далъ Нифонткѣ просимое. Нифонтко ударилъ себя ножемъ въ животъ пониже ложечки и взрѣзалъ брюшную полость до пупа. Сильная боль заставила его вскрикнуть. Въ притюремкѣ, въ сѣняхъ, ужиналъ въ то время тюремный сторожъ Тимошка Лейпашъ. Почувявъ недоброе, Лейпашъ открылъ дверь въ тюрьму и ужаснулся, увидавъ окровавленнаго рудомета. Закрывъ наскоро тюрьму, Лейпашъ побѣжалъ къ воеводѣ.

¹⁾ Алмозерская волость --нынѣ приходъ Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Сохранился документъ, въ которомъ подробно записано заявленіе Лейпаша.

„121 года, іюля въ 6-й день, послѣ вечерни поздно пришелъ на дворъ къ воеводѣ, къ Степану Микифоровичу Чепчугову, тюремный сторожъ Тимошка Федоровъ сынъ Лейпашъ и сказалъ:—посажень деи у него въ тюрьмѣ бѣлозерецъ посадскій человекъ Нифонтко Кобяковъ, рудометь, что деи на него извѣщаль тебѣ, воеводѣ, подъячій Дмитрій Малаховъ, будтось деи онъ, Нифонтко, ходя въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ по волостямъ, сказываетъ крестьянамъ, что деи пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ литовскіе люди, и отъ тое деи его, Нифонтковы, сказки во всѣхъ волостяхъ крестьяне разбѣгались и ему деи подъячему, Дмитрію Малахову, четвертныхъ доходовъ стало собирать, ѣздя по волостямъ, не съ кого. И того деи онъ Нифонтка тотъ подъячій поймалъ и привелъ на Бѣлоозеро, и въ томъ дѣлѣ отъ него, подъячаго, посаженъ онъ, Нифонтко, у него въ тюрьмѣ. И какъ деи у него сторожа, у Тимошки, въ тюрьмѣ сего вечера сидѣлъ, и онъ сторожъ Тимошка учалъ въ при теремкѣ въ сѣняхъ ужинать, а тотъ деи Нифонтко былъ въ тое пору въ тюрьмѣ въ избѣ затворенъ, и только деи тотъ Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, возопилъ; и онъ деи, сторожъ Тимошка, у тюрьмы отворилъ двери да къ нему въ тюрьму за порогъ ступилъ, а тотъ деи Нифонтко на него, сторожа, бросился; а деи онъ, Нифонтко, разрѣзалъ у себя брюхо, и кишки изъ брюха всѣ вышли вонъ, а того деи онъ, сторожъ Тимошка, не вѣдаетъ, чѣмъ онъ у себя, тотъ Нифонтко, брюхо разрѣзалъ,—ножемъ ли или чѣмъ инымъ, а ножа у него въ тюрьмѣ не было, опричь тюремныхъ желѣзъ“.

Выслушавъ докладъ Лейпаша, воевода послалъ въ тюрьму сотника бѣлозерскихъ стрѣльцовъ Алексѣя Юрьева и выборнаго посадскаго судного цѣловальника Степана Чепыжникова съ наказомъ—взять понятыхъ и въ присутствіи ихъ разслѣдовать,—„которыми обычаи онъ, Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, зарѣзался, и самъ ли себя зарѣзалъ, или кто его тюремные сидѣльцы зарѣзали, и гдѣ онъ взялъ ножъ“.

Посланные захватили съ собою священника Андреевской церкви отца Антипа, а въ понятые увязался чуть не весь Бѣлозерскъ. Объ этомъ свидѣтельствуется „обыскъ“, въ которомъ поименовано 46 человекъ, а о прочихъ сказано:—„и многіе посадскіе люди и стрѣльцы“.

Передъ этимъ въ полномъ смыслѣ міромъ, несчастный Нифонтко, „при смертномъ часу, отходя сего бѣлаго свѣта“, по-

вѣдалъ исторію своего поворота и великихъ мукъ. И присланные отъ воеводы слѣдователи, и понятые люди послѣ этого его, Нифонтковы, раны на брюхѣ досматривали и засвидѣтельствовали, что „брюхо разрѣзано ножомъ знатно—отъ ложки вдоль до пула, и кишки всѣ изъ брюха вывалились перерѣзаны.—Всю ночь глазѣли бѣловерцы на бѣднаго рудомета, а передъ заутренею тотъ Нифонтко „представился“. Обо всемъ этомъ подъячіе составили „обыскъ“ и склеили листы обыска въ столбецъ. Нифонтку, вѣроятно, по силѣ правилъ св. отецъ, закопали гдѣ-нибудь за кладбищемъ, въ мѣстѣ пустѣ, и креста надъ могилою его, какъ самоубійцы, не поставили...

А въ уѣздѣ тѣмъ временемъ шелъ сыскъ о Нифонтковыхъ сполошныхъ рѣчахъ.

Разспрашивали священника и старосту и крестьянъ Бадожской волости ¹⁾:—іюня въ двадцать девятый день рудометъ Михалко Кобяковъ (почему-то вмѣсто Нифонтки оказался Михалко) былъ ли и сполошныя вѣсти про литовскихъ и про нѣмецкихъ и про воровскихъ людей сказывалъ ли, и отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ крестьяне бѣгали ли?

Священникъ Евтихій Ивановъ и староста Будило Ѳеодоровъ и крестьяне сказали:

— Нѣтъ, у насъ тотъ Михалко въ волости не бывалъ. А пришелъ къ намъ съ Вытегры, до того времени дня за два—27 іюня, старецъ Іона Бѣловеръ, по прованію Вашковъ, и сказалъ намъ:—„пріѣхали на Ошту ²⁾ нѣмецкіе и литовскіе люди и ѣдутъ на Вытегру“.—Услышавъ это, послали мы въ подѣздъ (т.-е. на развѣдки) Саву Карпова да Митю Якимова. Пріѣхали они съ подѣзду и сказали:—„Вытегра и крестьяне на побѣгъ по лѣсамъ всѣ“.—И мы всѣ, крестьяне, разбѣжались по лѣсамъ. Былъ нашъ крестьянинъ Треня Григорьевъ въ побѣгѣ на Тумбажской рѣкѣ и рассказывалъ, что ночью къ нему на Тумбажскую рѣку, проходя мимо, заходилъ Михалко Кобяковъ и говорилъ:—„пришли на Тумбажъ воровскіе люди, оттого, молъ, я и иду ночью“.—Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Записалъ эти рѣчи въ „обыскъ“ бадожскій земскій дьячокъ (по современному волостной писарь) Пронька Ульяновъ сынъ

¹⁾ Бадожская волость—нынѣ приходъ того же имени въ южной части Вытегорскаго уѣзда, при впаденіи рѣчки Шанды въ Ковжу.

²⁾ Ошта—погостъ у Онежскаго озера. Литовскіе и нѣмецкіе люди пришли туда, повидимому, изъ-подъ Тихвина, гдѣ былъ осажденъ ими Большой Богородицкій монастырь, о доблестной защитѣ котораго сохранились письменныя сказанія и устныя легенды.

Морозовъ,—и слѣдователи двинулись на Курьюгу, въ монастырь Николы Чудотворца и Введенія Пресвятыя Богородицы ¹⁾.

Допросили здѣсь чернаго священника, т.-е. іеромонаха, Іоакима, да келаря старца Евфимія, да старца Геласія, да старца Ѧеодосія, да старца Никодима и всю братію:

Старцы сказали:

— Въ тридцатое число, ввечеру, пришелъ къ нашему монастырю изъ Зачинья человекъ и началъ кликать перевозу. Мы спросили:—„кто ты?“—онъ сказался:—„я—Михалко Кобяковъ, бѣлозерецъ“.—Мы его перевезли и стали спрашивать:—„зачѣмъ ты такъ поздно ходишь?“—Онъ сказалъ:—„бѣгу я съ Тумбажа отъ воровскихъ людей; всѣ крестьяне тумбажскіе разбѣжались да и „праветчикъ“ Дмитрій Малаховъ на лѣсъ бѣжалъ“.—Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Поѣхали слѣдователи въ Тумбажскую волость ²⁾. Допросили здѣсь священника Никольской церкви Іосифа, старосту Григорья Ѧеодорова и крестьянъ. И всѣ согласно показали:

— Да. Михалко Кобяковъ у насъ двадцать девятаго іюня былъ, сполошныя вѣсти про нѣмецкихъ и про литовскихъ людей сказывалъ. Сказывалъ, что воры на Вытегрѣ жгутъ деревни и людей сѣкутъ. И мы отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ бѣгали. Вотъ наши рѣчи.

Возвратясь въ Бѣлозерскъ 14-го іюля, слѣдователи подали свой обыскъ воеводѣ Чепчугову, а подъячіе подклеили его въ столбецъ къ тѣмъ листамъ, въ которыхъ описана была нехристіанская Нифонтова смерть.

Думалъ ли бѣдный рудометь, спасавшійся отъ литовскихъ воровъ, что онъ такъ скоро и такъ ужасно покончитъ расчеты съ жизнью въ тюрьмѣ своего родного города? Очевидно, страхъ предъ отечественнымъ чиновникомъ Малаховымъ былъ въ сто кратъ сильнѣе страха передъ иноземнымъ врагомъ, если Нифонто рѣшился на такой великій, по понятіямъ того времени, грѣхъ, какъ самоубійство.

Въ дѣлѣ Кобякова, триста лѣтъ тому назадъ, уже ярко сказываются столь знакомые позднѣйшей Россіи неизлѣчимые недуги отечественной администраціи—непостижимая самоувѣрен-

¹⁾ Курьюжскій монастырь на рѣкѣ Ковжѣ при впаденіи въ нее рѣчки Коксарь, притокъ которой носитъ наименованіе Курья. На картѣ Шуберта отмѣченъ, какъ Курьевская пустынь. Нынѣ—Кирюгская приходская церковь Кирилловскаго уѣзда, Новг. губ.

²⁾ Тумбажская волость,—нынѣ приходъ того же имени, по рѣкѣ Тумбѣ, въ сѣверной части Бѣлозерскаго уѣзда на границѣ съ Вытегорскимъ.

ность, непоколебимое сознание собственной непогрѣшимости и постоянное стремленіе перейти изъ сферы законности и здравомыслія въ область произвола.

Вмѣсто того, чтобы провѣрить принесенныя Кобяковымъ важныя извѣстія и подготовиться къ достойной встрѣчѣ врага, бѣлозерская власть передаетъ вѣстника истязаніямъ, какъ крамольника. Власть рѣшила, что врага нѣтъ,—и съ мнѣніемъ ея спорить нельзя, хотя бы это мнѣніе являлось очевидною нелѣпостью, кто поспорить,—тому дыба, кнутъ, тюрьма, плаха...

А сполошныя вѣсти Нифонки въ концѣ концовъ оказались вовсе не ложными. Воры проникли на Чаронду (къ озеру Воже)¹⁾, убили тамъ воеводу и чиновниковъ, побили много людей, прошли весь Бѣлозерскій край, побывали, какъ говоритъ народное преданіе, и въ самомъ Бѣлозерскѣ, и здѣсь людей побили.

А въ слѣдующемъ 1614 году пришли изъ-подъ Тихвина воровскіе казаки,—ихъ тогда называли „черкасами“,—и вновь на Чарондѣ людей побили и прошли съ грабежомъ и убійствами всю округу—нынѣшніе уѣзды Бѣлозерскій и Кирилловскій.

Тяжело жилось народу въ послѣдніе дни улегающейся смуты... но... „тяжкій млатъ, дробя стекло, куеть будать“...

И. Мордвиновъ.

¹⁾ Книга дозорная 29 іюля 1615 г., Калачовъ, Акт. Юр. т. II. № 128, стр. 45 (опись посада Чаронды).